

Д.Н. ЗАМЯТИН

Геоспациализм. Онтологическая динамика пространственных образов

Статья 2. Цивилизация, проект Модерна, глобализация и геоспациализм*

В статье продолжается исследование проблем, начатое в № 5 за 2011 г. В ней конкретизируются способы анализа сквозных концептуальных представлений о взаимодействии географического пространства и цивилизаций. Развиваются идеи о специфике подхода геоспациализма к образам цивилизации, модерна и глобализации.

Ключевые слова: пространство, гуманитарная география, геоспациализм, Модерн, империя, глобализация.

In article the research of problems begun in № 5 for 2011 is proceeded. The ways of the analysis of conceptual representations about interaction of geographical space and civilizations are concretized. Ideas about specificity of the approach of geospacialism to images of civilization, Modernity and globalization are developed.

Keywords: space, humanitarian geography, geospacialism, Modernity, empire, globalization.

Пространство и цивилизация: сквозные содержательные темы

Есть, по крайней мере, несколько сквозных содержательных тем, как бы “прошивающих” всю “ткань” концептуальных представлений о взаимодействии географического пространства и цивилизаций. Среди них можно выделить такие темы, как локальное знание (локальные знания) [Мосс, 1996; Леви-Строс, 1985; 1999; 2000; 1994; Линч, 1982; Бурдьё, 2001; 2005; Гирц, 2004; Geertz, 1983], феноменология культурных ландшафтов [Степун, 2000, с. 804–807; Муратов, 1993–1994; 2000; Фор, 2002; Ортега-и-Гассет, 2000; Эйзенштейн, 2004; 2006; Фуко, 2006, с. 191–205; Голд, 1990; Подорога, 1995; Вульф, 2003; Каганский, 2001; Лавренова, 2003, с. 114–121; Foucault, 1980, р. 63–77; Tuan Yi-Fu, 1977; 2003, р. 878–881; Soja, 1990; Schama, 1996; Jackson, 1997; Imperial... 1999], адаптация представителей какой-либо цивилизации в чуждом им культурно-географическом пространстве или же в культурно-географическом пространстве, которое в ментальном плане необходимо освоить, “обжить”, либо

* Статью 1 см. *Общественные науки и современность* 2011. № 5.

Замятин Дмитрий Николаевич – доктор культурологии, руководитель Центра гуманитарных исследований пространства Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева.

“присвоить” (проблема локальной цивилизационной идентичности в широком смысле [Рашковский, Хорос, 1988; Барабанов, 1991; Гройс, 1992; 2003; Щукин, 1992; Мильдон, 1992; Кантор, 2001; Рашковский, 2001; 2005; Цымбурский, 2007; Фишман, 2003; Сравнительное... 1998]). В каждой из описанных в первой статье парадигм – геодетерминистской, геопоссибилистской и геоспациалистской – эти темы в той или иной степени могут быть изучены и репрезентированы; другое дело, что сам характер их интерпретации, а также полученные результаты могут довольно сильно различаться – в том числе и потому, что сами исследователи могут относиться к различным локальным цивилизациям с их специфическими культурными, ментальными и научными традициями и установками [Castree, 2001, p. 1519–1525].

Вкратце попытаюсь описать в разных методологических ракурсах способы постановки выделенных тем. Проблематика *локальных знаний* достаточно уверенно формулируется и исследуется близкими способами в рамках всех трех геочивилизационных подходов (в рамках геодетерминизма более “приземленно”, скорее на примерах материальной культуры; в рамках геопоссибилизма – с большим акцентом на вероятность и методическую гибкость, вариативность самого характера локальных знаний; в пределах геоспациализма – с особым вниманием к цивилизационно-пространственному переносу и диффузии, а также к трансформациям самих локальных знаний в зависимости от географической динамики цивилизаций). Тема же *феноменологии культурных ландшафтов* может интерпретироваться в разных методологических традициях столь отличным образом, что ее видоизменения и теоретические постановки могут привести к взаимному культурному непониманию. Тем не менее и здесь можно нащупать некий общий “нерв” темы, а именно роль и соотношение материальной и духовной культуры, артефактов и ментифактов, обыденных представлений и представлений “высокой” культуры в становлении конкретных культурных ландшафтов. Наконец, проблематика *культурного и цивилизационного наследия*, вполне корректно артикулируемая во всех методологических подходах, оказывается наиболее эффективной в своих теоретической и прикладной постановках как раз в рамках динамически и расширенно понимаемой феноменологии культурных ландшафтов, вбирающей в себя актуальные на данный момент когнитивные достижения и геодетерминизма, и геопоссибилизма, и геоспациализма.

Тема *цивилизационной локальной идентичности* оказывается на поверку наиболее многогранной, наиболее объемной, поскольку глубоко затрагивает онтологическую суть описанных ранее методологических дискурсов. Проблематика свой/чужой (инвариант оппозиции цивилизация/варварство) всегда актуализируется принадлежностью к месту, территории, ландшафту; эта принадлежность может маркироваться по-разному и различными способами в зависимости от конкретной культуры и цивилизации. Понимая, что само понятие цивилизации есть безусловный научный и идеологический конструкт, оказавшийся достаточно эффективным в определенную историческую эпоху, можно предположить, что понятие локальной идентичности как бы увеличивается посредством “цивилизационной лупы”, выходит на первый план благодаря широким возможностям пространственного представления и воображения цивилизационной идентичности.

Так или иначе проблематика геопространства и геопространственного воображения принуждает, обязывает в рамках геоспациализма мыслить или представлять концепт цивилизации как гештальт, ключевой образ. Под его влиянием формируются конкретные, динамично меняющиеся, возрастающие или уменьшающиеся в своем значении цивилизации-образы, чьи символика, семиотика, феноменология могут в достаточно серьезной степени опираться на онтологически понимаемый цивилизационный статус данного места, территории, ландшафта. Здесь геоспациализм фактически смыкается (по логике “спирали”, в идеологическом отношении) с географическим детерминизмом, делая “полный поворот кругом” и становясь, в известной мере, “образно-географическим детерминизмом”, в рамках которого локальные цивилизации практически полностью самоопределяются соответствующими системами специфи-

ческих географических образов. Цивилизации-образы, будучи в своем ментальном генезисе пространственно расширяющимися, “выталкивают наверх”, в актуальное дискурсивное поле проблематику пространственного воображения и пространственной (локальной, региональной) идентичности [Вирт, 2003; Роккан, Урвин, 2003; Ассман, 2004; Атиас, 2002; Региональное... 1999; Китинг, 2003; Крылов, 2001; 2004; 2005; Кувенева, Манаков, 2003; Сверкунова, 2002; Возвращенные... 2004; Bassin, 1991; Geography... 1994; Ayers... 1996; Ely, 2002]. В свою очередь, пространственное воображение “цивилизуется”, активно работая в границах задаваемых концептом цивилизации идеологических, культурных и научных форматах.

Проект Модерна и геоспациализм: попытка идеологической интерпретации

Идеологический распад проекта Модерна (*Modernity*), начало которого стало очевидным уже к 1910–1920-м гг., привел к возникновению довольно хаотических, слабо упорядоченных по отношению к друг другу политических, социальных, экономических полей. В их рамках отдельные автономные сетевые конструкции и взаимосвязи опирались в своем развитии на автохтонные знаково-символические иерархии и пограничные ментальные маркеры (например, на диаметрально идеологически противоположные дискурсы [Генон, 2003; Юнгер, 2000; Беньямин, 1996; Элиас, 2001; Смит, 2004]). Такая идеологическая ситуация привела в промежуточном социокультурном итоге к ментальным провалам, “пустотам”, “трещинам”, существующим между отдельными, фактически игнорирующими друг друга идеологическими дискурсами, чьи границы означают чаще всего только естественное убывание их социокультурного воздействия и влияния в зависимости от мощности идеологических источников и количественных и качественных характеристик аудитории (поля) данного дискурса, но не выход в пространство прямого или косвенного междискурсивного взаимодействия.

Прямым следствием подобной идеологической ситуации на протяжении всего XX в. стало формирование множества воображаемых миров – со своими социокультурными нормами, правилами и дискурсивными образцами. Эти воображаемые миры-пространства первоначально развивались на базе традиционных представлений Модерна – геокультурных, геополитических и геоэкономических [Андерсон, 2001]. Существенные онтологические противоречия между традиционной картиной мира Модерна и множеством образов других социокультурных и ментальных пространств обнаружили лишь к концу XX в., когда распалась биполярная политико-идеологическая система, искусственно поддерживавшаяся обеими сторонами, противоборствующими в “холодной войне” и дополнявшаяся образом стран “третьего мира” (развивающихся стран).

Идеологический проект глобализации, который должен был заменить расшатанные устои мира Модерна, оказался пока – к началу XXI в. – не в состоянии “скрепить”, поддержать или же сохранить остатки единого, господствующего в большинстве региональных и локальных сообществ, дискурсивного пространства, несмотря на развитие таких мощных сопутствующих дискурсов и концепций, как постмодернизм, постколониализм и мультикультурализм, а также введение в социокультурные дискурсы глобализации понятия *глокализации* (Р. Робертсон). Основная когнитивная проблема проекта глобализации заключается в бессознательном (или же подсознательном) стремлении к достижению тех целей проекта Модерна, которые – так или иначе – не были полностью достигнуты к началу XX в., хотя их достижение считалось в то время практически возможным, а социокультурные и экономические тенденции фиксировали наличие условий для их достижения (явление так называемой *первоначальной глобализации* конца XIX–начала XX в. [Синцеров, 2000; 2005]). В связи с этим некоторая архаичность проекта глобализации сказывается прежде всего в предположении о возможности социокультурной синхронизации развития совершенно различных пространств, регионов и территорий, которые, однако, конструируют, продуцируют

свои, не связанные прямо с другими, образы и представления, распространяющиеся за пределы их собственных физико- и политико-географических границ [Culture... 1997].

Ментальная и образная множественность земных пространств может быть представлена понятием *сопространственности*, впервые предложенным еще немецким консервативным-романтиком М. Мюллером [Ионин, 2000]. Это понятие было вытеснено конкурирующим понятием *современности* и прочно забыто. Идеологическая ситуация начала XXI в. способствует возрождению этого понятия и его потенциально активному использованию в целях выявления возможных условий когнитивного построения взаимодействующих междискурсивных и межцивилизационных пространств.

Интерпретация образа сопространственности связана с идеей о множественности и уникальности самих времен, развивающихся как бы внутри отдельных воображаемых пространств – будь то пространство западной или буддийской цивилизаций, пространство межцивилизационного лимитрофа (например, Кавказа) или же пространство какого-либо сетевого сообщества, физическое пребывание членов которого может фиксироваться совершенно различными точками/координатами традиционного географического пространства. Отдельные времена могут не сходиться и даже расходиться – как это происходит с временами западной и исламской цивилизаций; признание подобного феномена должно быть исходным топосом для ментального или социокультурного окончания проекта Модерна и также для конструирования нового идеологического проекта, ориентирующегося не на *со-временность*, но на *со-пространственность*. Именно переплетающаяся и взаимопроникающая сопространственность западной и исламской цивилизаций показывают всю анти-современность, не-современность или а-современность взаимодействия этих цивилизационных дискурсов, сохраняющих глубокие ментальные следы их сакрально-религиозных оснований.

Возможные решения охарактеризованной здесь проблемы могут быть найдены или быть сформулированы в рамках *геоспациализма* – методологического подхода, предполагающего, что онтологические статусы пространственности и ее образных репрезентаций являются неотъемлемой частью любой общественной или социокультурной феноменологии. Иными словами, определенное видение и ощущение пространства локализуется в ментальном плане как “пучок” социокультурных образов, представляемых как “реальность”.

Сам процесс идеологического перехода от проекта Модерна к новому проекту можно было бы назвать спационалистским, или геоспационалистским¹. Суть данного перехода – в автоматическом и спонтанном столкновении различных в онтологическом плане дискурсов, работающих и развивающихся в совершенно различных цивилизационных и социокультурных временах. Эти идеологические столкновения ведут к не контролируемому никем из каких-либо значимых социокультурных и политических акторов/групп/сообществ расширению самого дискурсивного пространства, становящегося полем активных сосуществующих воображений, чьи источники распространяются автономными временами, а в пространственном отношении являются попросту размытыми или “размазанными” в силу изначально сетевых конструкций подобных пространств [Барт, 2004; Soja, 1990; Надточий, 1991; Вульф, 2003; Todorova, 1997; Нойманн, 2004; Филиппов, 2005; 2007; Эткинд, 2001; Замятин, 2007⁶].

Спационалистский проект – используя когнитивные возможности постмодернизма и постструктурализма – на самом деле оказывается (гео)спационалистским идеологическим проектом. Это означает, что традиционное географическое пространство в том виде, в каком оно было сформировано и “упаковано” Модерном, используется как бы не по назначению – в совершенно конкретных политических, экономических и социальных целях – лишь как метагеографический образ, позволяющий разрабатывать всевозможные сочетания и сосуществования различных уникальных дискурсов и представлений, чья локализация – очевидный вопрос в рамках проекта Модерна. Ина-

¹ Не путать с понятием *спационализма* как направления в искусстве XX в. – Д.З.

че говоря, любое земное местоположение (актера, группы, сообщества) в рамках (гео)спациализма подвергается когнитивному сомнению, поскольку определенный оригинальный или даже вторичный дискурс сразу же создает ситуацию сопостранственности, нахождения как бы в нескольких пространствах – с точки зрения традиционных представлений Модерна [Замятин, 2003; 2004^a; 2004^b; 2006].

Воображаемые географии, становящиеся необходимыми для любых скольконбудь значимых и влиятельных в социокультурном и политическом планах дискурсов, являются условием существования и поддержания *образного империализма*, который постепенно может быть трансформирован в своего рода когнитивное орудие или способ, средство ментального дистанцирования различных пространств для формирования *метапространства* – поля, где сопостранственные дискурсы как бы размещаются относительно друг друга в целях развития собственных представлений о траекториях и путях предполагающихся расширений [Замятин, 2007^a]. Тогда такие значительные социокультурные и научные концепции конца XX–начала XXI в., как постколониализм, ориентализм, мультикультурализм, оказываются частными случаями начального этапа развития (гео)спациализма. На этом этапе воображаемые географии являются пока лишь побочным и второстепенным ментальным продуктом образного империализма, а не закономерным (образно-детерминистским, рационалистическим) следствием столкновения и борьбы цивилизационных дискурсов. Как только понятие и образ современности, а вместе с ними и понятие глобализации будут осознаны как частный идеологический дискурс, *сопостранственный* любым другим значимым дискурсам, расширяющим свое феноменологическое пространство, образный империализм станет “чистым” операциональным образом, лишь поддерживающим “технически” на когнитивном уровне видимое расширение феномена сопостранственности.

“Бессознательное” первоначального Модерна – так, как оно было репрезентировано развитием европейского капитализма, Великими географическими открытиями, культурой и искусством Возрождения, – было связано с безусловной телеологией земного пространства, становящегося тем самым вполне обозримым, представимым, *образным* [Бродель, 1992; Франкастель, 2005; Дамиш, 2003; Слотердаjk, 2007]. Эта вновь возникающая образность земного пространства опиралась феноменологически на классическое понятие империи как некоего абсолютно политически и метафизически органичного пространственного тела. Развитие такого пространственного тела как бы автоматически уравнивало и выравнивало (в плане христианской метафизики) всякие иные культурно-политические образования, рассматривавшиеся с европейско-имперской точки зрения как инокультурные анахронизмы. А ведь они могли быть встречены европейскими культурами совершенно иначе, в своей пространственной инаковости, в своем, казалось бы, чисто географическом расширении и развертывании [Слотердаjk, 2007, с. 153–191; Ильин, 1997, с. 229–241, 337–393].

Нет сомнения, что такой изначальный пространственно-феноменологический ход сильно облегчил в цивилизационном плане экспансию европейских держав за пределы их традиционного географического ареала, подкрепив ее метафизически хорошо укрепленным христианским мессианизмом. Однако этот вновь обретенный и постоянно обретаемый в ходе когнитивного развития колониалистского, а затем (в эпоху распада Модерна) и постколониалистского дискурса, имперский *versus* империалистский пафос (прикрываемый, естественно, традиционными религиозными установками, различными версиями цивилизаторской миссии и культуртрегерства) имел и обратную – метагеографическую – сторону. Империализм как мощный образ, взращенный и лелеемый европейской цивилизацией эпохи Модерна, оказался образно-географической “миной”, или образно-географическим бумерангом для самого европейского Модерна. Он способствовал формированию и развитию вполне архаичных имперско-политических форм в Европе и на ее цивилизационных перифериях даже тогда, когда политико-культурный проект национального государства (*nation-state*) стал в дискурсивном отношении совершенно очевидным [Geography... 1994; Каспэ, 2001].

Как бы то ни было, именно ранний Модерн репрезентировал образ империализма, синкретически слитый, сращенный с проблематикой пространственности, впер-

вые становящейся – в семиотически значимых формах – одним из ясно выраженных, доминирующих цивилизационных дискурсов. Иначе говоря, европейский Модерн осознал себя как “модерн” во многом благодаря разнообразно выраженным и интерпретированным дискурсам пространственности [Пановский, 2004; Флоренский, 2000^а; 2000^б; Арто, 1993; Бахтин, 1975; 1986; Органика... 2000; Фуко, 2006, с. 191–205; 215–237; 143–151; Foucault, 1980, р. 63–77; Turnbull, 1996]. В то же время это была вполне *локальная*, европейская современность, оказавшаяся способной к уникальной по мощности пространственной экспансии, основанной на когнитивно укорененном и религиозно проработанном понятии и образе империи, а затем и империализма. Как расцвет, так и распад Модерна оказался связанным с интенсивным дискурсивным использованием образа империи, вполне внешняя, когнитивно вторичная пространственная коннотация которого (физические размеры империи – важный, но не самый главный ее признак) постепенно стала его ядерным или стержневым элементом [Филлипов, 1992; 2002; Cosgrove, Atkinson, 1998; Gilbert, 1998].

Надо ли говорить, что Великие географические открытия и формирование европейских колониальных империй были одновременно величайшей победой и в то же время величайшей фикцией, метагеографической ошибкой – если говорить об образно-империалистической интерпретации этих исторических событий [Сea, 1984; Три... 1991; Утопия... 1991]. Базовая “шизофрения” Модерна как такового – уверенное оперирование дискурсом европейской пространственности [Делез, Гваттари, 2007], постоянно локализуемой различными вариантами образного империализма. Понятно, что то пространство, будь оно американским, африканским или азиатским, которое видели европейские купцы и завоеватели в XVI–XVII вв., для них было всегда, в образном плане, проектируемым в христианскую вечность, европейским, западным в широком смысле. Когнитивная ситуация конца XX–начала XXI в. изменилась не очень сильно: образный империализм видоизменился, стал более совершенным в когнитивном плане, перейдя во многом в информационно-культурную сферу [Кастельс, 2000; Geographies... 1995]. Однако все местные, локальные, неевропейские (незападные) отсчеты всякого исторического/параисторического времени наталкиваются на мощные, идущие извне дискриминационные политико-культурные дискурсы, не замечающие, игнорирующие любые дискурсы, могущие возникнуть как автономные, любые автономные локально-пространственные образы [Kasbarian, 1996; Hall, 1997; Hannerz, 1997; Paasi, 1999].

Подводя предварительные итоги

Геоспациализм, как я попытался показать, может восприниматься, воображаться, анализироваться и использоваться сразу в нескольких аспектах. Во-первых, он является методологическим подходом, который может помочь гуманитарно-научным исследованиям как современной эпохи, так и прошлых исторических эпох. Во-вторых, он может рассматриваться как специфическая методологическая модель, призванная, по возможности, эффективно интерпретировать современные мировые социокультурные и социополитические процессы. В-третьих, геоспациализм можно представить вполне в конструктивистском духе как своего рода идеологический (в научном смысле) проект, с помощью которого в дальнейшем возможно формирование иных, нежели в настоящее время, ключевых политических, культурных, социальных, экономических задач мирового развития. В-четвертых, он может трактоваться в качестве теоретического основания “пучка” операциональных моделей в различных гуманитарных науках, позволяющих более полно представить те или иные общественные процессы. Наконец (возможно, самое главное), геоспациализм – это попытка некоего сквозного онтологического видения земной эволюции человека и человечества; естественно, что в данном тексте есть лишь первоначальные наброски подобного видения.

Исходя из сказанного выше, я не претендую здесь на строгое и четкое понимание термина и понятия геоспациализма. В разных местах текста я пытался определить

геоспациализм по-разному, следуя тому или иному из выделенных аспектов. Эти определения могут противоречить друг другу, поскольку сами аспекты расположены в различных исследовательских плоскостях. Тем не менее надеюсь, что мне удалось хотя бы в первом приближении показать значимость этой темы для развития методологической проблематики гуманитарных наук в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. М., 2001.
- Арто А.* Театр и его двойник. М., 1993.
- Ассман Я.* Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004.
- Аттиас Ж.-К., Бенбасса Э.* Вымышленный Израиль. М., 2002.
- Барабанов Е.В.* Русская философия и кризис идентичности // Вопросы философии. 1991. № 8.
- Барт Р.* Империя знаков. М., 2004.
- Бахтин М.М.* Формы времени и хронотопа в романе // *Бахтин М.М.* Вопросы литературы и эстетики. М., 1975.
- Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М., 1986.
- Беньямин В.* Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. М., 1996.
- Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. В 3 т. Т. 3. Время мира. М., 1992.
- Бродель Ф.* Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. В 3 ч. Ч. 1. Роль среды. М., 2002.
- Бурдые П.* Практический смысл. СПб., 2001.
- Бурдые П.* Социальное пространство: поля и практики. СПб., 2005.
- Вирт Л.* Локализм, регионализм и централизация // Логос. 2003. № 6.
- Возвращенные имена: идентичность и культурный капитал переименованных городов России. Нижний Новгород, 2004.
- Вульф Л.* Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М., 2003.
- Генон Р.* Царство количества и знамения времени // *Генон Р.* Избр. соч. Царство количества и знамения времени. Очерки об индуизме. Эзотеризм Данте. М., 2003.
- Гириц К.* Интерпретация культуры. М., 2004.
- Голд Дж.* Психология и география: основы поведенческой географии. М., 1990.
- Гройс Б.* Поиск русской национальной идентичности // Вопросы философии. 1992. № 1.
- Гройс Б.* Россия как подосознание Запада (1989) // *Гройс Б.* Искусство утопии. М., 2003.
- Дамши Ю.* Теория облака. набросок истории живописи. СПб., 2003.
- Делез Ж., Гваттари Ф.* Анти-Эдип. Екатеринбург, 2007.
- Замятин Д.Н.* Власть пространства и пространство власти: географические образы в политике и международных отношениях. М., 2004^a.
- Замятин Д.Н.* Гуманитарная география. Пространство и язык географических образов. СПб., 2003.
- Замятин Д.Н.* Культура и пространство: моделирование географических образов. М., 2006.
- Замятин Д.Н.* Метагеография: пространство образов и образы пространства. М., 2004^b.
- Замятин Д.Н.* Пространство как образ и транзакция: к становлению геоэкономики // Политические исследования. 2007^a. № 1.
- Замятин Д.Н.* Россия и *нигде*. Географические образы и становление российской цивилизационной идентичности // Россия как цивилизация: устойчивое и изменчивое. М., 2007^b.
- Ильин М.В.* Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий. М., 1997.
- Ионин Л.Г.* Социология культуры. Путь в новое тысячелетие. М., 2000.
- Каганский В.* Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. М., 2001.
- Кантор В.К.* Русский европеец как явление культуры (философско-исторический анализ). М., 2001.
- Кастэ С.И.* Империя и модернизация. Общая модель и российская специфика. М., 2001.
- Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000.

- Китинг М.* Новый регионализм в Западной Европе // Логос. 2003. № 6.
- Крылов М.* Региональная идентичность в историческом ядре Европейской России // Социологические исследования. 2005. № 3.
- Крылов М.* Структурный анализ российского пространства: культурные регионы и местное самосознание // Культурная география. М., 2001.
- Крылов М.* Теоретические проблемы региональной идентичности в Европейской России // Гуманитарная география. Научный и культурно-просветительский альманах. Вып. 1. М., 2004.
- Кувенева Т.Н., Манаков А.Г.* Формирование пространственных идентичностей в порубежном регионе // Социологические исследования. 2003. № 7.
- Лавренова О.А.* Культурный ландшафт: семантика культурно-географических взаимодействий // Известия РАН. Сер. географическая. 2003. № 3.
- Леви-Строс К.* Первобытное мышление. М., 1994.
- Леви-Строс К.* Печальные тропики. Львов–М., 1999.
- Леви-Строс К.* Путь масок. М., 2000.
- Леви-Строс К.* Структурная антропология. М., 1985.
- Линч К.* Образ города. М., 1982.
- Мильдон В.И.* “Земля” и “Небо” исторического сознания // Вопросы философии. 1992. № 5.
- Мосс М.* Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии. М., 1996.
- Муратов П.П.* Ночные мысли. М., 2000.
- Муратов П.П.* Образы Италии. В 3 т. М., 1993–1994.
- Надточий Э.* Метафизика “чмока” // Параллели (Россия–Восток–Запад). Альманах философской компаративистики. Вып. 2. М., 1991.
- Нойманн И.* Использование “Другого”. Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М., 2004.
- Органика.* Беспредметный мир природы в русском авангарде XX века. М., 2000.
- Ортега-и-Гассет Х.* Камень и небо. М., 2000.
- Пановский Э.* Перспектива как “символическая форма”. Готическая архитектура и схоластика. СПб., 2004.
- Подорога В.А.* Выражение и смысл: ландшафтные миры философии. М., 1995.
- Рашиковский Е.Б.* Осознанная свобода. Материалы к истории мысли и культуры XVIII–XX столетий. М., 2005.
- Рашиковский Е.Б.* Профессия – историограф. Материалы к истории российской мысли и культуры XX столетия. Новосибирск, 2001.
- Рашиковский Е.Б., Хорос В.Г.* Проблема “Запад–Россия–Восток” в философском наследии П.Я. Чаадаева // Восток–Запад. Исследования. Переводы. Публикации. Вып. 3. М., 1988.
- Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры в России (материалы семинара).* М., 1999.
- Роккан С., Урвин Д.В.* Политика территориальной идентичности. Исследования по европейскому регионализму // Логос. 2003. № 6.
- Сверкунова Н.В.* Региональная сибирская идентичность: опыт социологического исследования. СПб., 2002.
- Сед Л.* Философия американской истории. М., 1984.
- Синцеров Л.М.* Длинные волны глобальной интеграции // Мировая экономика и международные отношения. 2000. № 5.
- Синцеров Л.М.* Эпоха ранней глобализации в истории мирового хозяйства // Вестник исторической географии. Вып. 3. М., 2005.
- Слотердайк П.* Сферы. Макросферология. В 2 т. Т. 2. Глобусы. СПб., 2007.
- Смит Э.Д.* Национализм и модернизм. Критический обзор современных теорий наций и национализма. М., 2004.
- Сравнительное изучение цивилизаций.* М., 1998.
- Степун Ф.А.* Соч. М., 2000.
- Три каравеллы на горизонте. К 500-летию открытия Америки.* М., 1991.
- Утопия и утопическое мышление.* М., 1991.
- Филитов А.Ф.* Гетеротопология родных просторов // Отечественные записки. 2002. № 6 (7).
- Филитов А.Ф.* Наблюдатель империи (империя как социологическая категория и социальная проблема) // Вопросы социологии. 1992. № 1.
- Филитов А.Ф.* Пространство политических событий // Политические исследования. 2005. № 1.

- Филитов А.Ф. Социология пространства. СПб., 2007.
- Фриман О.Л. Китай в Европе: миф и реальность (XIII–XVIII вв.). СПб., 2003.
- Флоренский П.А. Абсолютность пространственности // Флоренский П.А. Статьи и исследования по истории и философии искусства и археологии. М., 2000.
- Флоренский П.А. Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях // Флоренский П.А. Статьи и исследования по истории и философии искусства и археологии. М., 2000⁶.
- Фор Э. Дух форм. СПб., 2002.
- Франкастель П. Фигура и место. Визуальный порядок в эпоху Кватроченто. СПб., 2005.
- Фуко М. Интеллектуалы и власть. В 3 ч. Ч. 3. Статьи и интервью. 1970–1984. М., 2006.
- Цымбурский В.Л. Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы. 1992–2006. М., 2007.
- Шукин В.Г. Культурный мир русского западника // Вопросы философии. 1992. № 5.
- Эйзенштейн С.М. Неравнодушная природа. В 2 т. М., 2004–2006.
- Элиас Н. Общество индивидов. М., 2001.
- Эткинд А. Фуко и тезис внутренней колонизации: постколониальный взгляд на советское прошлое // Новое литературное обозрение. 2001. № 49.
- Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт. СПб., 2000.
- Ayers E.L., Limerick P.N., Nissenbaum S., Onuf P.S. All Over the Map: Rethinking American Regions. Baltimore–London, 1996.
- Bassin M. Inventing Siberia: Visions of the Russian East in the Early Nineteenth Century // The American Historical Review. 1991. Vol. 96. № 3.
- Castree N. Commodity Fetishism, Geographical Imaginations & Imaginative Geographies // Environment and Planning A. 2001. Vol. 33.
- Cosgrove D., Atkinson D. Urban Rhetoric and Embodied Identities: City, Nation and Empire at the Vittorio Emanuele II Monument in Rome. 1870–1945 // Annals of the Association of American Geographers. 1998. Vol. 88.
- Culture, Globalization and the World-System. Contemporary Conditions for the Representation of Identity. Minneapolis, 1997.
- Ely C. This Meager Nature: Landscape and National Identity in Imperial Russia. De Calb, 2002.
- Foucault M. Power/Knowledge: Selected Interviews and Other Writings 1972–1977. Brighton, 1980.
- Geertz C. Local Knowledge. New York, 1983.
- Geographies of Global Change: Remapping the World in the Late Twentieth Century. Oxford–Cambridge, 1995.
- Geography and National Identity. Oxford–Cambridge, 1994.
- Gilbert D. Heart of Empire? Landscape, Space and Performance in Imperial London // Environment and Planning D: Society and Space. 1998. Vol. 16.
- Hall S. The Local and the Global: Globalization and Ethnicity // Culture, Globalization and the World-System. Contemporary Conditions for the Representation of Identity. Minneapolis, 1997.
- Hannerz U. Scenarios for Peripheral Cultures // Culture, Globalization and the World-System. Contemporary Conditions for the Representation of Identity. Minneapolis, 1997.
- Imperial Cities: Landscape, Display and Identity. Manchester, 1999.
- Jackson J.B. Landscape in Sight: Looking at America. New Haven–London, 1997.
- Kasbarian J.A. Mapping Edward Said: Geography, Identity, and the Politics of Location // Environment and Planning D: Society and Space. 1996. Vol. 14.
- Paasi A. Nationalizing Everyday Life: Individual and Collective Identities as Practice and Discourse // Geography Research Forum. 1999. Vol. 19.
- Schama S. Landscape and Memory. New York, 1996.
- Soja E.W. Postmodern Geographies: the Reassertion of Space in Critical Social Theory. London, 1990.
- Todorova M. Imagining the Balkans. New York, 1997.
- Tuan Yi-Fu. Perceptual & Cultural Geography // Annals of the Association of American Geographers. 2003. Vol. 93. № 4.
- Tuan Yi-Fu. Space and Place: the Perspective of Experience. Minneapolis, 1977.
- Turnbull D. Cartography and Science in Early Modern Europe: Mapping the Construction of Knowledge Spaces // Imago Mundi. 1996. № 48.